

ников написал хотя бы несколько состояний ночного густо-фиолетового неба с объемными грозными звездами, уходящими в перспективу и бесконечность? Весеннее и летнее небо меняет свои цвета также безжалостно быстро, ничуть не экономит оно свои оттенки и колориты, щедрость его на краски вполне безгранична. А как разнообразна зелень Северо-Запада! Зелень льна, например, меняется с его ростом, цветением и созревaniem, зелень трав также меняется, луга, цветущие с весны белым, розовым, синим, побледнеют после косыбы, потом вдруг снова станут по-весеннему ярко-зелеными. Осенью зеленеет так до глубокой осени, даже до зымы, лесная зелень постоянно меняется. Так же без конца меняется цвет в озерах водной глади. Она то светлая, стальная, то голубая, то синяя до чернильной густоты, то вдруг, особенно в тишине первых осенних холодов, становится зеленоватой.

Об осенних пейзажах и говорить не приходится, красота их и множественность общезвестны...

Могло ли все это не отозваться в совокупной душе народа, не запечатлеться в его делах и творениях? Природа была, разумеется, первой и самой главной наставницей человека в его вечном стремлении к прекрасному.

Зодчего? На этот вопрос не может быть короткого однозначного ответа. Великая тайна творчества, создания, вдохновения не дается рациональным мышлением. Художник возможен в любом человеке, но где и когда он пробудится (и пробудится ли вообще) никому не известно. Толчком для этого пробуждения может случиться любая мелочь, например, весеннее яичко, покрашенное наваром луковой кожуры. То ли коричнево-охристый, то ли бурый цвет придают паре таких яичек декоративную яркость, а если они лежат в белоснежной тарелке да еще вместе с другими, например, кремовыми, то, вспомнив об этом, ребенок тотчас бежит домой с праздничной улицы. Конечно, к этому приращено множество и других ощущений.

Холщевая белая рубашка, чудесно преображалась, если ее опустить в настой из ольховой коры. Не в такие ли мгновения просыпалась от сна душа изуграфа?

Природа и быт в своей многообразной определенности плотно окружали каждого и не имеющего художественных задатков человека. И он, не имея вкуса, одевался со вкусом (подчинялся традиции), не имея музыкального слуха, участвовал в пении (как и все), не владея даром живописца, любовался осенней око-

то мере художественна, и в такой обстановке нельзя не проснуться душе художника, независимо от степени его таланта. Среди множества средних талантов рождается немало хороших, а среди них не могли не появиться выдающиеся. И наконец, гениальные...

Переход к высокому искусству от красочной бытовой повседневности незаметен. Он плавный, этот пресловутый переход, не резкий, и о нем не стоило бы вспоминать, если бы в какую-то пору в спутнике искусства не плавилось человеческое тщеславие.

Нетрудно представить разницу между любовью к себе в искусстве и любовью к искусству в себе. Вспомним, что даже самые прекрасные произведения русских иконописцев не подписаны, что имена создателей архитектурных шедевров известны лишь из легенд. Художник не ставил свою подпись на своем художественном создании не потому, что не знал литеров, как это представляется ныне иному горе-исследователю. Цель художника была отнюдь не в самоутверждении. Он не утверждал себя в мире, а через себя утверждал окружающий мир.

Художественный гений русского народа выразился более всего в слове, архитектуре и живописи. Знаючи, делают эту живопись на бытовую и куль-

толитвой считалась в народе материнская, по мать, в свою очередь, обращалась в молитву тоже к матери.

Егорий на белом коне олицетворял воинскую силу, способную защитить от ползучего зла. Икона с его изображением также считалась обязательной в доме. Но особенно любимым из всех святых был на Севере Николай-чудотворец. Его называли и попросту (Никола) и почтительно (святой Николай). В редком доме не имелось иконы с его изображением: по народным поверьям Никола оберегал старших и малых, в лесу и на воле, в бою и в труде. Живописные изображения св. Николая очень разнообразны, то он добр, то суров и пенитент, то задумчиво нежен, то ехидно осуждающе строг. Замечательный его образ из повторов колоды храма Св. Софии! Но, пожалуй, самым прекрасным изображением Николая была и остается фреска Дионисия в Ферапонтовом монастыре — в этой русской жемчужине из ожерелья мировой культуры.

* * *

Из деревни Тимонихи, в также из соседних деревень в Ферапонтово ныне старушки ходили пешком, и это продолжалось до начала 20-х годов. Проселками и болотными тропками, всего с одним ночлегом в пути. (Редкий ходок мог пройти без ночлега 80—90 километров). В трехстах метрах от Тимонихи начиналась Лобаниха (упомянутая в писцовых книгах со вторым, ныне очень приличным названием). Никольский погост, стоящий над озером, открывал путь к Алфировской и Помазинке (проданной с торгов в Вологде в 1844 г.*). За Помазинкой особенным и до сих пор стоит Дружинино, а там, за лесом, Лор, Кулешиха, Волыная деревня. Еще за лесом — Плосково с Езовым — громадные и превеликие селения. Ополовиненные за последние 30—40 лет. За рекой Уфтойгой, по болотам, можно выйти к другим деревням, которых было не счесть и которые исчезают олла за другой. Морозовые болота вдруг пропадут, лес однажды расступится, и белые стены Ферапонтова приветливо блеснут на солнышке.

Нелогично, наверное, думать Ферапонт, где срубить келью, при виде лесистых веселых холмов и двух светлых озерных плесов, расположенных одно выше другого и соединенных шумящей рекой.

Под стать этим местам был выстроен белокаменный монастырь — не-грозный, словно иррегулярный, с двумя веселыми башнями над воротами, с низкой уютной оградой. Невысокий собор с законами и стройный кирпичный шатер колокольный привлекал Дионисия, может быть, как раз уютном, небольшими размерами, и здесь великий русский художник велел своим сыновьям снимать с плеч котомки...

Дионисий совершил свой подвиг за одно лето.** расписав собор с помощью сыновей. Где была в это время их мать? Непозвонно. Всего скорее, ее уже не было в живых... В образ Богоматери художники вложили столько своей грустной любви, столько сыновней и супружеской нежности, верности и почтительности, что фреска, несмотря на значительные повреждения, и сейчас потрясает, если душа человека разбужена и совесть его жаждет прекрасного.

По расположению и размещению фресок под сводами, на стенах, на сферических и выгнутых поверхностях можно учиться у Дионисия композиционному мастерству. Учиться всем, кто связан с искусством: архитектору и прозаику, музыканту и скульптору, драматургу и искусствоведу. Графическая и цветная ритмичность росписей также безукоризненна: она опять заставляет припомнить такие слова и понятия, как лад, соразмерность, гармония. Но ведь ко всему этому надо добавлять еще и настроение, тональность, особое звучание красок и линий.

Образ Николая, написанный в полусфере правого нефа, был для Дионисия, видимо, подлинным взлетом, вдохновенным порывом, полным исчезновением и растворением своего Я в искусстве... Как и все великие художественные произведения. Никола Дионисий воспринимается в разное время по-разному даже одним человеком. Как и у всех других шедевров искусства, у этой фрески есть ничему не поддающаяся сила, благотворная и пернически необходимая каждому человеку. Все здесь есть, в этом образе. И величайшая мудрость, и могучий, необоримый дух, и земная человеческая красота, обобщенная в облике северянина-мужика, повзрослевшего и пинжеца, юнца и кормильца...

Никола смотрит на нас глазами самого Дионисия вот уже пять веков. Смотрит, то вызывая к совести, со скорбным укором, то с водружающим одобрением, пропихивая своим взглядом в самую глубину нашей души и вселяя в нее мужество.

И память о гениальном изуграфе Дионисии живет не в эскизах напих серпаха. Она живет и в красках лесов, полей, вод, камней и небес нашего родного Севера.

* Об этом любезно сообщил автору вологодский художник Владимир Капитонович Панов.

** Реставратор и искусствовед Н. И. Фельдман научно доказал, что собор был расписан не в два лета, как считалось, а в одно.

Василий БЕЛОВ

ИЗ УГРАФЫ

ИЗ КНИГИ ОЧЕРКОВ О НАРОДНОЙ ЭСТЕТИКЕ

* * *

Искусство зарождалось глубоко в толще повседневного народного быта. Оно незаметно, незаметно иногда и для самого художника, росло и ползло (материал, как говорят на Севере). Без мощного почвенно-бытового слоя даже у талантливого сеятеля и почвальщика цветы вырастают чахлые, цветущие коротко и неярко. Этот бытовой слой формировался в течение долгих веков, удобренных тысячами разнообразных, взаимосвязанных и взаимозамещающих обычаев и трудовых способностей.

Жизнь нормального человека в нормальных условиях не может быть не творческой. Труд обычного пахаря или плотника сам по себе является творческим, ведь чисто механические, т. е. однообразные, заученные раз и навсегда движения делают один дурак, а другой общественно — физически неполноценные. Разница между таким и нормальным человеком в том, что в первом случае человек наслаждается одними физическими движениями, а во втором эти движения одухотворены, стремятся к разнообразию. И напрасно многие из нас думают, что творческим трудом не может быть физический, что вдохновение, мол, посещает только тех, у кого в руках перо либо логарифмическая линейка, кто сидит в кабинете и лабораториях. Более того, творческий труд, лишенный определенных физических усилий, то есть чисто интеллектуальный, тоже, вероятно, нельзя назвать в достаточной мере творческим, даже если человек ежедневно ходит на теннисный корт либо в водный бассейн.* Тонкое, гармоничное сочетание интеллектуальных и физических усилий в труде, разумеется, нередко нарушалось и в прошлом, например, в крестьянском быту, причем чаще сдвиг происходил в сторону физической тяжести. Но подобное нарушение в другую сторону ничуть не лучше, если не хуже...

Дровосек, прежде чем начать рубить дерево, прикинет, куда оно наклонилось, на которой стороне гуще хвоя, какие у елки или березы соседки. Первый же удар знакомит его с твердостью или мягкостью, с сухостью или влажностью древесины. Ощущение корневика или болотной зыбкости под ногой, слепящее солнце, свист ветра и даже расстояние до деревни — тысячи других таких же мелочей делают дровосека творческим человеком...

Как известно, русская печь строилась прежде не из кирпича, а из сырой глины. Ее обвалили, обмазывали. Печуры, выступы, углубления, карнизы лепились вручную и поэтому имели овальную форму. Труд печника сочетал в себе некоторые, хотя и отдаленные признаки скульптурного и архитектурного творчества (лепка, композиция, соразмерность, план и общение с материалом).

Знакомство с псковской архитектурой наводит на мысль об удивительном сходстве печного (т. е. повседневного-бытового) мастерства с мастерством строительства этих храмов. Овальные, мягкие, как-то уютно-домашние формы этих небольших церквей и впрямь родны в чем-то русской печи, ее теплу и уюту, ее повседневной необходимости.** Где, почему, каким способом труд печника или дровосека становится трудом скульптора или

лицей... А что говорить о тех, кто был рожден то ли для песни, то ли строителем, то ли живописцем?

Уроки цветной и черно-белой графики ребенок брал с младенчества, наблюдая, как отец или дед вышивает «полотенца» и наливники, как сестра или бабушка плетет кружево, выбирает строчки, тклет радужные продольницы. При этом вовсе не обязательно становиться впоследствии впоследствии иконописцем либо строителем. Талантливый, просто вообще способный, художественно восприимчивый человек нередко совмещал несколько способностей как гоголевский кузнец Вакула, сумевший написать живописного черта. Мастерство еще позволяло человеку быть то кузнецом, то богатырем, то строителем. А вот художество уже требовало верности чему-то одному, хотя Андрей Рублев мог бы, наверное, и сам не хуже других строить палаты и церкви.

Народные художники в большинстве своем владелиными, часто несколькими ремеслами, рассуждая так: «Ремесло за плечами не виснет» (те же пресловутые красилы, над которыми властью поиздевались наши сатирики и фельетонисты, могли при случае и колодезь выкопать, и печь перекладать). Столяр, сматерив для себя шкафчик-посудник, испытывал детский позыв к раскрашиванию. Имея в достатке опыт и краски, он не звал к себе бродячего настоящего художника, а сам брался за кисть. И вот дверцы посудника превращались в ворота диковинного боярского терема, появлялись на них вазоны с цветами и волнистыми разводами. (Особенно красивы были такие посуднички с розовым и зеленым растительным орнаментом по белому фону).

Частенько сами хозяева-строители расписывали рундуки (гобы), превратившиеся позднее в лежанки для осенне-зимних сумернечаний. Так, на лежанке Афанасия Озерковой (д. Лобаниха Харовского района) нарисован был великодушный стилизованный лев, с круглым, совсем не звериным лицом, с тонкой поднятой лапой и тонким хвостом. Кисточка хвоста загибалась как-то уж очень изыщно и подомашнему несерьезно. Да и сам лев улыбался... В той же избе потолок был расписан правильными расходящимися и сходящимися цветными кругами. Они расходились из потолочного центра, с которого свешивалась набранная из деревянных пластинок птица. На подвальных воротах одного из домов (Грязовецкий район) был во весь рост нарисован бравоый солдат с усами, каждый из которых был только чуть меньше солдатской сабли. В вологодских и архангельских деревнях в середине прошлого века начали расписывать обшитые тесом фронтоны домов. Изображения часов, птиц и фантастических цветов над балконами вышек и теперь еще во многих местах не смыты дождями, не выветрены ветрами. Живописные столы, ларцы, заборки, шестки, сундуки, прятки, ложки и т. д. довольно хорошо гармонировали с некрашеными полами, чисто вытесанными стенами и белыми лавками. И все это создавалось не профессионалами, а самими жителями, многочисленными и плотниками, кузнецами, столбярками, печниками, главным делом которых было хлебопашество.

Красочная декоративность тканей, одежды, домашнего интерьера, присущая всему быту, вкупе с красотой природы окружали человека тотчас после его рождения. Такая обстановка сама по себе в какой-

то мере художественна, и в такой обстановке нельзя не проснуться душе художника, независимо от степени его таланта. Среди множества средних талантов рождается немало хороших, а среди них не могли не появиться выдающиеся. И наконец, гениальные...

Переход к высокому искусству от красочной бытовой повседневности незаметен. Он плавный, этот пресловутый переход, не резкий, и о нем не стоило бы вспоминать, если бы в какую-то пору в спутнике искусства не плавилось человеческое тщеславие.

Нетрудно представить разницу между любовью к себе в искусстве и любовью к искусству в себе. Вспомним, что даже самые прекрасные произведения русских иконописцев не подписаны, что имена создателей архитектурных шедевров известны лишь из легенд. Художник не ставил свою подпись на своем художественном создании не потому, что не знал литеров, как это представляется ныне иному горе-исследователю. Цель художника была отнюдь не в самоутверждении. Он не утверждал себя в мире, а через себя утверждал окружающий мир.

Художественный гений русского народа выразился более всего в слове, архитектуре и живописи. Знаючи, делают эту живопись на бытовую и куль-

толитвой считалась в народе материнская, по мать, в свою очередь, обращалась в молитву тоже к матери.

Егорий на белом коне олицетворял воинскую силу, способную защитить от ползучего зла. Икона с его изображением также считалась обязательной в доме. Но особенно любимым из всех святых был на Севере Николай-чудотворец. Его называли и попросту (Никола) и почтительно (святой Николай). В редком доме не имелось иконы с его изображением: по народным поверьям Никола оберегал старших и малых, в лесу и на воле, в бою и в труде. Живописные изображения св. Николая очень разнообразны, то он добр, то суров и пенитент, то задумчиво нежен, то ехидно осуждающе строг. Замечательный его образ из повторов колоды храма Св. Софии! Но, пожалуй, самым прекрасным изображением Николая была и остается фреска Дионисия в Ферапонтовом монастыре — в этой русской жемчужине из ожерелья мировой культуры.

Нелогично, наверное, думать Ферапонт, где срубить келью, при виде лесистых веселых холмов и двух светлых озерных плесов, расположенных одно выше другого и соединенных шумящей рекой.

Под стать этим местам был выстроен белокаменный монастырь — не-грозный, словно иррегулярный, с двумя веселыми башнями над воротами, с низкой уютной оградой. Невысокий собор с законами и стройный кирпичный шатер колокольный привлекал Дионисия, может быть, как раз уютном, небольшими размерами, и здесь великий русский художник велел своим сыновьям снимать с плеч котомки...

Дионисий совершил свой подвиг за одно лето.** расписав собор с помощью сыновей. Где была в это время их мать? Непозвонно. Всего скорее, ее уже не было в живых... В образ Богоматери художники вложили столько своей грустной любви, столько сыновней и супружеской нежности, верности и почтительности, что фреска, несмотря на значительные повреждения, и сейчас потрясает, если душа человека разбужена и совесть его жаждет прекрасного.

По расположению и размещению фресок под сводами, на стенах, на сферических и выгнутых поверхностях можно учиться у Дионисия композиционному мастерству. Учиться всем, кто связан с искусством: архитектору и прозаику, музыканту и скульптору, драматургу и искусствоведу. Графическая и цветная ритмичность росписей также безукоризненна: она опять заставляет припомнить такие слова и понятия, как лад, соразмерность, гармония. Но ведь ко всему этому надо добавлять еще и настроение, тональность, особое звучание красок и линий.

Образ Николая, написанный в полусфере правого нефа, был для Дионисия, видимо, подлинным взлетом, вдохновенным порывом, полным исчезновением и растворением своего Я в искусстве... Как и все великие художественные произведения. Никола Дионисий воспринимается в разное время по-разному даже одним человеком. Как и у всех других шедевров искусства, у этой фрески есть ничему не поддающаяся сила, благотворная и пернически необходимая каждому человеку. Все здесь есть, в этом образе. И величайшая мудрость, и могучий, необоримый дух, и земная человеческая красота, обобщенная в облике северянина-мужика, повзрослевшего и пинжеца, юнца и кормильца...

Никола смотрит на нас глазами самого Дионисия вот уже пять веков. Смотрит, то вызывая к совести, со скорбным укором, то с водружающим одобрением, пропихивая своим взглядом в самую глубину нашей души и вселяя в нее мужество.

И память о гениальном изуграфе Дионисии живет не в эскизах напих серпаха. Она живет и в красках лесов, полей, вод, камней и небес нашего родного Севера.

* Об этом любезно сообщил автору вологодский художник Владимир Капитонович Панов.

** Реставратор и искусствовед Н. И. Фельдман научно доказал, что собор был расписан не в два лета, как считалось, а в одно.

* По глубокому убеждению автора спорт и физкультура не могут компенсировать недостатки, связанные с односторонностью чисто интеллектуальной деятельности.

** Особенно заметно своеобразие псковской архитектуры в сравнении с-готикой.

* Кажется, Юон на вопрос, какого цвета бывает снег, ответил: только не белый.